

работахъ Каспари, Гарнака, Лоофса. Было бы особенно пріятно пріѣтствовать отвѣчающее этой потребности изслѣдованіе въ русской научной литературѣ.

Б. II.

V. Ermoni, C. M., *De Leontio Byzantino et de eius doctrina Christologica*. Parisiis, 1895. Стр. IV + 223. 8°. Ц. 6 фр.

Послѣ книги Рюгамера (см. выше, стр. 386) тезисъ Эрмони является второю работою, посвященной предмету изслѣдованій Лоофса. Впрочемъ, задачи второй работы гораздо проще, чѣмъ задачи первой. Рюгамеръ подвергаетъ изслѣдованіе Лоофса критическому разбору по существу, и дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ колеблетъ его аргументацію; Эрмони излагаетъ вопросъ въ его настоящемъ положеніи, основываясь, естественно, на новомъ капитальномъ трудѣ Лоофса. По крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ своего тезиса, трактующихъ о личности и сочиненіяхъ Леонтія, Эрмони широко пользуется матеріаломъ (см. напр. *Ermoni*, pp. 57, 68, 77, 83), ссылками, доказательствами и выводами Лоофса, разъ вообще оговоривши въ предисловіи свою зависимость отъ его изслѣдованія. Но въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи работа Эрмони является сжатымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обстоятельнымъ изложеніемъ ряда сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ произведеніями Леонтія. Съ такой точки зрѣнія она принесетъ свою пользу.

Б. II.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

Епископъ Арсеній, *Георгія Схоларія сочиненіе «Новой мыслитель»*. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1896. Стр. I—53. Сочиненіе «Новый мыслитель» — Νεόφρων ἢ Ἀερομυθία принадлежитъ къ числу произведеній Георгія Схоларія, вполнѣдствіи патріарха константинопольскаго Геннадія II (1454—1456 гг.), и издается епископомъ Арсеніемъ въ первый разъ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 253 каталога архимандрита Владиміра. Сочиненіе написано въ формѣ діалога между двумя лицами: Неофрономъ и Палетимомъ. Первый (Νεόφρων) является представителемъ новаго умственнаго направленія въ современномъ писателю константинопольскомъ обществѣ и олицетворяетъ константинопольскаго патріарха Григорія III Мамму (1445—1451 гг.), а второй (Παλιτίμος) держится старины и скрываетъ за собою самого автора. Предметомъ разговора служитъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа, причемъ «новый мыслитель» защищаетъ латинское воззрѣніе по этому вопросу, а «почитатель старины» опровергаетъ его и доказываетъ правильность ученія восточной церкви. Настоящее сочиненіе написано Схоларіемъ

послѣ его публичныхъ собесѣдованій по поводу Флорентійской уніи съ присланнымъ папою кротонскимъ епископомъ Вареоломеемъ, происшедшихъ въ императорскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора Іоанна VII Палеолога (1425—1448 гг.) и брата его деспота Теодора, папскаго уполномоченнаго кардинала и многихъ латинянъ и православныхъ (стр. 8, 13). Раскрывая главный предметъ содержанія, діалогъ заключаетъ данныя и для характеристики «новыхъ мыслителей» современнаго византійскаго общества, а также — автобіографическаго свойства. Вообще новый памятникъ византійской полемической противъ латинянъ литературы является цѣннымъ въ научномъ отношеніи. Преосвященный Арсеній, издавши греческій текстъ сочиненія, снабдилъ его русскимъ переводомъ, небольшимъ предисловіемъ и нѣкоторыми примѣчаніями. Почтенный ученый настоящимъ трудомъ удачно пополнилъ рядъ своихъ работъ по опубликованію новыхъ памятниковъ византійской литературы.

Н. Каптеревъ, *Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 43). Спб. 1895. Стр. I + 508.* — Въ предисловіи къ своему труду проф. Каптеревъ заявляетъ, что настоящій очеркъ сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ XVI—XVII вѣкахъ составленъ имъ главнымъ образомъ на основаніи такъ называемыхъ *Греческихъ и Турецкихъ дѣлъ и статейныхъ списковъ*, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При написаніи очерка авторъ имѣлъ въ виду объективно и строго документально изложить историческій ходъ указанныхъ сношеній, представить, какъ было дѣло за взятое время почти исключительно словами самыхъ документовъ, не вдаваясь въ критику и въ какіе-либо особые выводы и обобщенія, почему на этотъ очеркъ слѣдуетъ, по словамъ г. Каптерева, смотрѣть почти какъ на сборникъ по данному предмету рукописныхъ документовъ, доселѣ почти не изданныхъ, доселѣ мало или совсѣмъ еще неизвѣстныхъ. Очеркъ раздѣляется на восемь главъ. Въ *первой* главѣ (стр. 1—26) обозрѣваются сношенія патріарховъ Германа и Софонія съ русскимъ правительствомъ (1534—1607 гг.). Здѣсь сообщается, что сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ *начались* около половины XVI столѣтія. До этого времени встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ и актахъ только короткія упоминанія объ отдѣльныхъ случайныхъ лицахъ, приходившихъ изъ Палестины на Русь для сбора милостыни, показывающія, что какихъ-нибудь правильныхъ или постоянныхъ сношеній между русскимъ правительствомъ и іерусалимскими патріархами до половины XVI вѣка вовсе не существовало. Указанное явленіе объясняется, съ одной стороны, тяжелымъ положеніемъ іерусалимскихъ патріарховъ-арабовъ, зависѣвшихъ отъ египетскихъ султановъ, которые очень подозрительно относились къ нимъ и лишали ихъ свободы внѣшнихъ сношеній, а съ другой — тяжелымъ положеніемъ и самой Россіи, то терпѣвшей иго татаръ, то раздираемой внутрен-

ними уособицами князей. Положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, когда Палестиной овладѣли турки и вслѣдъ за тѣмъ іерусалимская патріаршая кафедра стала замѣщаться греками, а съ другой стороны—когда Русь при Іоаннѣ III окончательно низвергла татарское иго и сдѣлалась сильнымъ православнымъ царствомъ. Первый іерусалимскій патріархъ изъ грековъ Германъ впервые и завязалъ прямыя сношенія іерусалимской патріархіи съ московскимъ правительствомъ. Но и сношенія Германа, состоявшія въ испрашиваніи у московскаго правительства милостыни, носили еще случайный характеръ. Объ установленіи болѣе правильныхъ и постоянныхъ сношеній съ нашимъ правительствомъ позаботился преемникъ Германа—Софроній. Онъ хорошо понялъ и оцѣнилъ важное значеніе Россіи, какъ усердной благотворительницы св. мѣстамъ, всячески старался войти въ болѣе близкія сношенія съ московскими царями Θεодоромъ Іоанновичемъ и Борисомъ Годуновымъ и даже поспѣшилъ еще въ Польшѣ привѣтствовать Лже-Димитрія, какъ истиннаго царевича, въ надеждѣ пріобрѣсти его особое расположеніе, когда онъ возсядетъ на московскомъ престолѣ. Однако особенно близкія и частыя сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ московскимъ правительствомъ (1608—1644 гг.) начались только съ патріаршества Θεοφана, о чемъ рѣчь идетъ во *второй* главѣ книги г. Каптерева (стр. 27—115). Въ лицѣ Θεοφана іерусалимскіе патріархи впервые знакомятся съ русскою церковною жизнію и оказываютъ на нее нѣкоторое вліяніе въ смыслѣ сближенія съ тогдашнею греческою церковною жизнію (исправленіе книгъ и нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ), успѣваютъ укрѣпить въ московскомъ правительствѣ убѣжденіе, что оно обязано оказывать матеріальную помощь и поддержку св. мѣстамъ Палестины въ виду упорной борьбы изъ-за нихъ между православными съ одной стороны, католиками и армянами — съ другой, и, наконецъ, сами патріархи поступаютъ на службу къ русскому правительству въ качествѣ его тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи, обязанныхъ сообщать въ Москву о положеніи на Востокѣ политическихъ дѣлъ. Въ *третьей* главѣ (стр. 116—186) сообщается о сношеніяхъ патріарха Паисія съ русскимъ правительствомъ (1645—1661 гг.). И Паисій оказалъ очень замѣтное вліяніе на русскую церковную жизнь. Во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ велъ переговоры по церковнымъ вопросамъ съ государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, учинялъ соглашеніе съ патріархомъ Іосифомъ, а главное—велъ бесѣды съ Никономъ, впослѣдствіи патріархомъ, убѣждая его произвести церковныя исправленія въ широкихъ размѣрахъ, въ видахъ согласованія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими, такъ что извѣстная и богатая своими послѣдствіями для дальнѣйшей нашей церковной жизни дѣятельность Никона во многомъ обязана и своимъ началомъ, и своимъ общимъ направленіемъ именно патріарху Паисію. Въ данномъ случаѣ Паисій руководился интересами вселенскаго православія, и національно-греческими. во избѣжаніе будущаго разрыва русской церкви съ вселен-

скою греческою и окончательной потери всякаго вліянія и значенія грековъ у русскихъ. Въ то же время Паисій усиленно заботился поддерживать близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ для того, чтобы пользоваться его милостынею въ интересахъ борьбы изъ-за св. мѣстъ съ католиками и армянами. Съ этою цѣлью онъ даже путешествовалъ въ Москву. Наконецъ, онъ входилъ въ близкія сношенія съ гетманомъ Хмельницкимъ и господарями Молдавіи и Валахіи и былъ посредникомъ между ними и московскимъ правительствомъ, стремясь примирить ихъ и направить ихъ соединенныя силы противъ турецкаго владычества на Востокъ. Инымъ характеромъ отличаются сношенія съ русскимъ правительствомъ патріарха Нектарія, преемника Паисія по іерусалимской кафедрѣ (1661—1669 гг.), о которыхъ разсказывается въ *четвертой* главѣ (стр. 187—221). Если его предшественники употребляли всѣ усилія приобрести особое расположеніе русскаго правительства, чтобы извлечь возможно большія выгоды для бѣдствующей іерусалимской патріаршей кафедры, то Нектарій не употреблялъ къ тому ни малѣйшихъ усилій и даже ни разу не обратился къ русскому правительству съ спеціальною просьбою о милостынѣ на уплату долговъ св. Гроба, хотя эти долги при немъ возрастали съ каждымъ годомъ и хотя его усиленно приглашали въ Москву для участія въ дѣлѣ патріарха Никона; впрочемъ, онъ былъ смѣлымъ защитникомъ послѣдняго. И въ другомъ отношеніи патріархъ Нектарій, въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, занимаетъ особое положеніе, сравнительно съ предшественниками. Несмотря на приглашеніе московскаго правительства служить ему «въ государевыхъ дѣлахъ», Нектарій уклонился отъ этого и не сообщалъ русскимъ властямъ никакихъ извѣстій «о турецкихъ поведеніяхъ». Въ слѣдующихъ двухъ главахъ сообщается о сношеніяхъ патріарха Досифея (1669—1707 гг.) съ русскимъ правительствомъ, въ *пятой* главѣ (стр. 222—270) — при Алексѣѣ Михайловичѣ, Θεодорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ, а въ *шестой* (стр. 271—373) — при Петрѣ Великомъ. Патріархъ Досифей почти сорокъ лѣтъ находился въ постоянныхъ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Россіей и принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ ея церковной, государственной и общественной жизни. Прежде всего, онъ былъ тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи и въ то же время русскимъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ не просто сообщалъ въ Москву политическія вѣсти, какъ прежніе агенты, но и давалъ нашему правительству свои совѣты, указанія и разъясненія и иногда очень настойчиво и рѣшительно стремился направить внѣшнюю политику русскаго правительства по тому пути, который онъ считалъ лучшимъ сравнительно съ планами московской власти. Досифей служилъ русскому правительству изъ интересовъ религіозныхъ и національных, такъ какъ видѣлъ въ русскомъ царѣ единственнаго въ мірѣ защитника и поборника вселенскаго православія, а въ русскомъ государствѣ — единственное орудіе для освобожденія грековъ отъ турецкаго ига. И въ Москвѣ пре-

красно понимали Досиѣея и оказывали его политической дѣятельности полное вниманіе и довѣріе. Но эта дѣятельность не заслоняла въ Досиѣеѣ собою верховнаго іерарха церкви. Онъ постоянно стоялъ и на стражѣ всего вселенскаго православія, вездѣ и всюду наблюдая за его состояніемъ и стремясь оградить отъ грозящихъ ему напастей и бѣдъ. Почти всѣ помѣстныя православныя церкви испытали на себѣ архипастырскую заботливость Досиѣея, но русская церковь — больше всѣхъ. Почти во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ и замѣтныхъ явленіяхъ русской церковной жизни послѣдней четверти XVII столѣтія и первыхъ годовъ XVIII-го (возвращеніе патріаршаго достоинства Никону, подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху, споры о времени пресущевленія св. даровъ, появленіе раскола и пр.) Досиѣей принималъ болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе. Словомъ, въ отношеніи къ русской церкви Досиѣей явился заботливымъ отцомъ, ревниво оберегающимъ свое любимое дѣтище отъ малѣйшей опасности. Наконецъ, характерная сторона въ отношеніяхъ патріарха Досиѣея къ Россіи состояла въ томъ, что онъ всѣми силами старался преградить доступъ на Руси западной наукѣ, западному образованію, нравамъ и обычаямъ, такъ какъ считалъ латинянъ, съ которыми боролся все время своего патріаршества, злѣйшими и опаснѣйшими врагами православія и греческой культуры. Въ этомъ смыслѣ онъ и стремился воздѣйствовать на русское правительство и въ частности на Петра Великаго, но безуспѣшно. Такимъ образомъ, патріархъ Досиѣей былъ самымъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ слугою русскаго правительства, воплотившимъ въ себѣ всѣ лучшія стороны и черты преданнаго интересамъ Россіи политическаго агента-грека. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и послѣднимъ такого рода агентомъ. Его преемникъ на іерусалимской кафедрѣ и племянникъ — Хрисанѣ (1707—1730 гг.) сталъ къ русскому правительству въ иныя отношенія (глава *седьмая*, стр. 374—417). Въ лицѣ Хрисанѣа іерусалимскіе патріархи навсегда отказались отъ дальнѣйшихъ политическихъ услугъ Россіи. Это обстоятельство зависѣло не отъ того только, что наше правительство заподозрило искренность преданности патріарха Хрисанѣа интересамъ Россіи, но главнымъ образомъ — вслѣдствіе учрежденія, съ начала XVIII вѣка, постояннаго русскаго посольства при турецкомъ дворѣ. Прекративъ въ 1713 году службу русскому правительству въ качествѣ политическаго агента въ Турціи, Хрисанѣ въ концѣ своего патріаршества долженъ былъ въ отношеніи Россіи низойти на ступень обычнаго просителя милостыни, причемъ обращался къ верховной русской власти черезъ посредство Св. Синода, въ рукахъ котораго съ этого времени и сосредоточились всѣ сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей. Этотъ измѣнившійся характеръ сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, низведшій ихъ въ ряды обычныхъ просителей милостыни, начавшійся съ послѣднихъ годовъ патріаршества Хрисанѣа, неизмѣнно продолжался и при преемникахъ его — Мелетіи, Парее-

ніп и Аврааміи (1731—1766 и 1775—1787 г.), почти до конца XVIII столѣтія (глава *восьмая*, стр. 418—474).

Итакъ, сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, начавшись въ первый разъ въ половинѣ XVI вѣка при первомъ іерусалимскомъ патріархѣ изъ грековъ—Германѣ, были продолжены его преемниками и въ XVII вѣкѣ получили постоянный и прочный характеръ. Эта тѣсная и прочная связь между іерусалимской патріархіей и русскою властью образовалась на основѣ сознанія съ одной стороны (патріарховъ), что Россія, усилившись, освободить грековъ отъ турецкаго ига, съ другой (нашего правительства), что патріархи могутъ быть полезными Россіи въ качествѣ политическихъ агентовъ въ Турціи, и что посылаемая имъ изъ Москвы милостыня есть актъ не религіозной только благотворительности, но, въ извѣстной степени, и актъ государственной мудрости. На указанной главной основѣ и въ связи съ нею развились и другія стороны сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, а именно: ихъ дѣятельное участіе въ русской церковной жизни, вліяніе на характеръ нашего просвѣщенія и отклоненіе отъ сближенія съ западной Европой. Но въ самомъ началѣ XVIII столѣтія прочныя и разнообразныя связи іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ неожиданно прерываются и сводятся только на обычные и заурядныя просьбы со стороны патріарховъ о милостынѣ Св. Гробу. Причина указаннаго явленія заключается въ томъ, что съ начала XVIII вѣка русское правительство перестало нуждаться въ политическихъ услугахъ іерусалимскихъ патріарховъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, перестали видѣть въ Россіи единственную силу, готовую служить на православномъ востокѣ исключительно греческимъ національнымъ интересамъ. Кромѣ того, въ XVIII вѣкѣ русская церковь, вмѣстѣ съ развитіемъ просвѣщенія, стала справляться съ возникавшими въ ней вопросами своими собственными силами и средствами и перестала нуждаться въ опекѣ греческихъ іерарховъ. Іерусалимскимъ патріархамъ оставалось въ XVIII вѣкѣ продолжать сношенія съ русскимъ правительствомъ лишь на почвѣ испрашиванія милостыни Св. Гробу.

Таковы выводы, къ которымъ пришелъ г. Каптеревъ въ своей книгѣ на основаніи изученія подлинныхъ документовъ (грамотъ, писемъ, залпсокъ и т. п.) по вопросу о сношеніи іерусалимскихъ патріарховъ XVI—XVIII вѣка съ русскимъ правительствомъ. Заключение эти отличаются новизною и вполне согласны съ предложенными въ книгѣ архивными источниками. Въ послѣднихъ, конечно, и заключается вся цѣнность труда г. Каптерева, и нѣтъ нужды распространяться о весьма важномъ значеніи для исторіи Россіи и іерусалимскаго патріархата литературной работы, заключающей въ себѣ подлинныя историческіе акты съ необходимыми научными комментаріями.

Архіепископъ Сергій, Преподобный Михаилъ Маленинъ и трехсотлѣтіе рожденія Благочестивѣйшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя

Михаила Θεοδοροβιχα. 12 юля 1596—1896 и. Вязники. 1896. Стр. II + 32 + 12. Въ настоящей брошюрѣ, написанной по случаю трехсотлѣтія рожденія государя Михаила Θεοδοροβιχα, помѣщено между прочимъ (стр. 1—22) житіе византійскаго аскета Михаила Малейна, имя котораго носилъ воспоминаемый русскій государь. Михаилъ Малейнъ (894—962 гг.) происходилъ изъ знатной византійской фамиліи, родственной императору Никифору Фокѣ, подвизался на горѣ Киминской въ Вифиніи, гдѣ основалъ монастырь въ честь Пресвятой Богородицы, былъ учителемъ знаменитаго Аѳанасія Аѳонскаго и вообще принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей византійскаго иночества. Изданное архіепископомъ владимірскимъ Сергіемъ въ русскомъ переводѣ его житіе заимствовано изъ книги инока Агапія — Βίβλος καλουμένη Καλοκαιρινή... (Венеція, 1865) и дополнено другими источниками. Въ концѣ брошюры предложены примѣчанія къ тексту. Брошюра можетъ имѣть и научное примѣненіе.

Іеромонахъ Θεοδοσίη Олтаржевскій, Палестинское монашество съ IV до VI вѣка (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 44). Спб. 1896. Стр. XVIII + 345. — Сочиненіе іеромонаха Θεοδοσία Олтаржевскаго состоитъ изъ предисловія и десяти главъ. Въ предисловіи, выставивъ на видъ малоработанность въ наукѣ вопроса о грековосточномъ монашествѣ первыхъ вѣковъ, за исключеніемъ иночества египетскаго, авторъ заявляетъ, что его изслѣдованіе по исторіи монашеской общины въ Палестинѣ должно представить постепенный ея ростъ, совершившійся подъ непосредственнымъ руководствомъ великихъ палестинскихъ подвижниковъ IV, V, и VI вѣковъ и состоявшій въ ясно наблюдаемомъ переходѣ отъ простыхъ формъ монашеской жизни къ болѣе сложнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, какое положеніе занимала палестинская монашеская община по отношенію къ церковно-историческимъ событіямъ въ означенные вѣка. Матеріалъ для своего изслѣдованія авторъ почерпалъ преимущественно изъ житій палестинскихъ подвижниковъ: препод. Иларіона Великаго, Харитона Исповѣдника, свв. Евѳимія, Саввы, Іоанна Молчальника, Киріяка Отшельника, Θεοδοσία Киновіарха и др. Кромѣ того, авторъ воспользовался церковно-историческими трудами Сократа, Созомена, блаж. Θεοдорита, Евагрія и Никифора Каллиста, а изъ новой литературы—работами Гарнака, Неандера, Шрекка, Герцога, А. А. Оленицкаго, Тоблера, Диксона и многими другими. Заимствованный изъ указанныхъ источниковъ и пособій матеріалъ авторъ расположилъ по очень простому плану. Сначала онъ изображаетъ возникновеніе и постепенный ростъ монашеской жизни въ Палестинѣ въ IV—VI вѣкахъ, затѣмъ описываетъ ея внѣшній и внутренній строй и, наконецъ, представляетъ участіе палестинскаго монашества въ современныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Въ частности въ первой главѣ книги о Θεοδοсії Олтаржевскаго (стр. 1—49) сообщается о началѣ монашества въ Палестинѣ и дѣятельности Иларіона Великаго и Харитона Исповѣдника. Монашество возникло въ Палестинѣ еще въ первые вѣка хри-

стіанства и первоначально выразилось въ формѣ отшельничества. Опре-
дѣленныхъ правилъ для жизни палестинскихъ отшельниковъ до IV вѣка
не было: аскеты въ своемъ подвижничествѣ руководились примѣрами
или первенствующей, или ветхозавѣтной церкви. Но въ концѣ III-го и
въ началѣ IV-го вѣковъ, когда въ христіанскомъ обществѣ возникло
необычайное стремленіе къ пустынному подвижничеству и когда всему
міру извѣстны стали высокіе образцы египетскаго иночества, и въ Па-
лестинѣ начали появляться попытки къ устраненію неурядицъ внут-
ренней жизни отшельничества. Первую попытку организовать жизнь
палестинскихъ подвижниковъ и подчинить ее извѣстнымъ правиламъ
сдѣлалъ Иларіонъ Великій (291—371/2 гг.), ученикъ св. Антонія Вели-
каго и основатель первой исторически-извѣстной монашеской обители
въ Палестинѣ. Заслуга Иларіона Великаго въ исторіи палестинскаго
монашества состоитъ въ томъ, что онъ первый возбудилъ общее стрем-
леніе къ подвижничеству и первый указалъ необходимость и превосход-
ство совмѣстной жизни иноковъ предъ отшельническою, учредивъ въ
328 году въ Газѣ киновію. Но газскій монастырь не отличался совер-
шенствомъ въ своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ, а былъ
лишь начальною и переходною формою въ жизни палестинскаго мона-
шества, первымъ опытомъ общиннаго устройства въ палестинскомъ ино-
чествѣ. Въ газскомъ монастырѣ не было точныхъ и опредѣленныхъ
правилъ о власти настоятеля, о жизни иноковъ, ихъ взаимномъ отноше-
ніи и пр. Поэтому, по смерти препод. Иларіона, газскій монастырь при-
шелъ въ упадокъ и уступилъ первенство другимъ, болѣе совершеннымъ
по своему устройству, монастырямъ. Таковые были учреждены св. Ха-
ритономъ Исповѣдникомъ (IV в.), продолжавшимъ дѣло пр. Иларіона
по благоустройству палестинскаго монашества. Онъ основалъ въ Пале-
стинѣ три *лавы*: Фаранскую, Іерихонскую и Сука или Ветхую, въ кото-
рыхъ внутренній строй былъ совершеннѣе, чѣмъ въ газскомъ мона-
стырѣ. Лавры св. Харитона составляли какъ бы посредствующую сту-
пень между отшельничествомъ и строгимъ общежитіемъ и болѣе со-
отвѣтствовали условіямъ монашеской жизни въ Палестинѣ, чѣмъ мона-
стырь пр. Иларіона, организованный по образцу египетскихъ монасты-
рей. Поэтому, истиннымъ основателемъ и устройтелемъ монашеской об-
щины въ Палестинѣ слѣдуетъ, по мнѣнію нашего автора, считать св. Ха-
ритона Исповѣдника. Благодаря дѣятельности свв. Иларіона и Харитона,
иночество широко развилось въ Палестинѣ къ концу IV-го вѣка, какъ
свидѣтельствуетъ Сильвія Аквитанская, — хотя въ своемъ распротране-
ніи оно и встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны аріанствующа-
го императора Валента, воздвигшаго противъ монаховъ гоненіе. Ко-
нецъ IV-го вѣка ознаменовался и борьбою палестинскихъ лавритовъ съ
строгими отшельниками изъ-за основныхъ началъ подвижничества. Во
второй главѣ книги Θεодосія Олтаржевскаго (стр. 49—81) обозрѣвается
дѣятельность св. Евѣимія Великаго (+ 473 г.). Св. Евѣимій былъ стро-

гимъ послѣдователемъ Харитона Исповѣдника по своимъ аскетическимъ воззрѣніямъ и жизни. Онъ былъ убѣжденнымъ поборникомъ общинной организаціи монашества и считалъ *лавроу* наиболѣе удобною и умѣстною формою монашеской жизни, такъ какъ видѣлъ въ ней переходную ступень отъ жизни отшельнической къ киновіальной, соединяющую въ себѣ выгодныя стороны прежней жизни анахоретовъ съ началами новой общинной организаціи монашества. Поэтому и своей лаврѣ, основанной въ пустынномъ мѣстѣ близъ Іерусалимско-іерихонской дороги (нынѣ мѣстечко хѣн-ес-Сахль), онъ далъ внутреннюю организацію по образцу лавръ св. Харитона. Но разумѣется, лавра св. Евѣимія была совершеннѣе въ своемъ внутреннемъ устройствѣ: подчиненіе иноковъ аввѣ въ ней было сильнѣе, чѣмъ въ лаврахъ Харитона, а власть самаго аввы опредѣленнѣе и шире и пр. Заслуги Евѣимія Великаго въ исторіи палестинскаго монашества заключаются и въ томъ, что онъ отличался рѣдкою нравственно-аскетическою высотой и имѣлъ громадное вліяніе не только въ Палестинѣ, но и во всей византійской имперіи. Послѣ смерти св. Евѣимія его лавра была превращена (въ 484 году) въ строго-общественный киновіальный монастырь и существовала до конца VIII-го вѣка. *Третья* глава разсматриваемой книги (стр. 83—115) обозрѣваетъ жизнь и дѣятельность св. Саввы Освященнаго (439—532 гг.), одного изъ величайшихъ аскетовъ Палестины, населившаго иноками палестинскую пустыню подобно городу. Въ исторіи палестинскаго монашества Савва Освященный выступаетъ преимущественно строителемъ лавръ и сторонникомъ жизни келліотской, но въ то же время онъ сочувствовалъ и жизни киновіальной. На киновію св. Савва смотрѣлъ какъ на предварительную школу, приготовлявшую келліотовъ для лавръ: «какъ цвѣтъ предваряетъ плодъ, такъ жизнь въ киновіи предваряетъ отшельническую». Заслуга св. Саввы состоитъ и въ томъ, что онъ стремился установить правильныя взаимоотношенія лавръ и киновій, отдавая предпочтеніе жизни келліотской, изъ-за принциповъ которой онъ долго боролся съ анахоретами. Свои аскетическія воззрѣнія св. Савва прекрасно осуществилъ въ жизни и устройствѣ основанныхъ имъ семи монастырей: трехъ лавръ—Великой, Новой и Семиустной (Гептастомъ) и четырехъ киновій—Кастеллійской, Пещерной, Занновой и Схоларіевой. Изъ киновій одна служила для новоначальныхъ иноковъ, а другія (Кастеллійская) — для опытныхъ въ аскетической жизни отшельниковъ, но достигшихъ преклоннаго возраста и нуждавшихся въ помощи другихъ. Въ заключеніи главы сообщается о религіозно-нравственномъ значеніи св. Саввы для современнаго общества. Инымъ характеромъ отличалась дѣятельность св. Оеодосія Киновіарха (424—529 гг.), о которой разсказывается въ *четвертой* главѣ книги (стр. 115—131). Онъ былъ первымъ строителемъ *пустынной киновіи*, имѣвшей самостоятельное, вполне независимое отъ лавры положеніе. Такая киновія была учреждена имъ близъ Іерусалима, въ нынѣшней мѣстности дѣр-Дѣсп, и первоначально находилась

въ зависимости отъ Великой лавры Саввы Освященнаго, т. е. подготавлила для нея иноковъ, а потомъ, когда св. Θεодосій былъ назначенъ архимандритомъ общежительнаго иноческаго сословія, стала въ отношеніи къ ней во взаимообщеніе. Киновія св. Θεодосія въ своей внутренней организаціи была до нѣкоторой степени самобытна и стояла особнякомъ въ ряду другихъ монастырей Іудейской пустыни. Общинная жизнь палестинскаго монашества впервые получила въ ней правильный и законченный видъ. Въ *пятой* главѣ книги о. Олтаржевскаго (стр. 131—139) рѣчь идетъ объ образованіи палестинскаго монашескаго устава. Оказывается, что палестинское монашество не выработало самостоятельнаго, общаго для всѣхъ палестинскихъ монастырей устава. Великіе палестинскіе подвижники пользовались готовыми уставами египетскими и св. Василия и лишь старались приспособить указанныя въ нихъ начала подвижнической жизни къ палестинскимъ монашескимъ общинамъ. Отсюда палестинскій монашескій уставъ представляетъ, съ одной стороны, подражаніе выработаннымъ въ другимъ мѣстахъ канонамъ монастырской жизни, а съ другой — измѣненіе этихъ каноновъ приспособительно къ требованіямъ быта и жизни палестинскихъ подвижниковъ. «Слѣдовательно, нельзя говорить о палестинскомъ монашескомъ уставѣ, какъ о чемъ-то совершенно самостоятельномъ, нельзя ставить его на ряду съ уставами Пахомія Великаго и св. Василия». Но если въ Палестинѣ не было оригинальнаго и всеобщаго иноческаго устава, то исторія здѣшняго монашества представляетъ нѣсколько частныхъ уставовъ (*τοπικὰ κτῆτορικά*), созданныхъ его выдающимися представителями: Харитономъ Исповѣдникомъ, Евѣиміемъ Великимъ, Герасимомъ Іерусалимскимъ и Саввою Освященнымъ. На основаніи этихъ уставовъ, а также житій палестинскихъ подвижниковъ IV—VI вѣковъ іеромонахъ Θεодосій Олтаржевскій описываетъ въ *шестой* главѣ (стр. 139—156) устройство палестинской монашеской общины. Здѣсь говорится о власти архимандрита или главнаго аввы монастырей и настоятелей отдѣльныхъ киновій, ихъ избраніи и отношеніи къ монашескимъ общинамъ, о власти такъ называемыхъ «вторствующихъ», т. е. помощниковъ архимандрита и настоятеля, и объ экономахъ монастырей. Въ главѣ *седьмой* (стр. 156—186), на основаніи тѣхъ же источниковъ, изображается жизнь палестинской монашеской общины и ея вліяніе на окружающую среду. Здѣсь сообщается о поступленіи иноковъ въ монастырь, ихъ постриженіи и подвигахъ въ монастырѣ, объ отношеніи отшельниковъ къ киновіи, матеріальномъ положеніи монастырей и дѣятельности монаховъ — благотворительной и просвѣтительной. Палестинское монашество IV—VI вѣковъ проявило широкую благотворительность. При монастыряхъ устраивались гостинницы и страннопріимницы, больницы и богадѣльни, множество нищихъ и бѣдныхъ находили себѣ при монастыряхъ пріютъ и столъ, а во время общественныхъ бѣдствій иноки первые подавали нуждающимся помощь. Въ то же время иноки занимались проповѣдью вѣры Христовой среди

іудеевъ и язычниковъ, учреждали при монастыряхъ школы для христіанскихъ дѣтей и сами усердно занимались наукою; монастыри IV—VI вѣковъ были центромъ умственного и религіознаго движенія во всей Палестинѣ.

Вторая половина книги іеромонаха Θεодосія отвѣчаетъ на другой, намѣченный въ опредѣленіи задачи изслѣдованія, вопросъ—объ участіи палестинскаго монашества IV—VI вѣковъ въ современныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Палестинскіе монахи не остались равнодушными къ богословскому движенію, сильно волновавшему восточную церковь въ теченіе IV—VI столѣтій, но приняли въ немъ дѣятельное участіе. Они побѣдоносно ограждали чистоту православія противъ еретиковъ и въ стремленіи защитить истины вѣры обнаружили не меньшую настойчивость, чѣмъ монахи другихъ восточныхъ странъ. Были, впрочемъ, и среди нихъ печальные примѣры противодѣйствія истинному ученію, вытекавшіе изъ ложнаго проявленія религіозной ревности по вѣрѣ. Раскрытію этой стороны въ жизни палестинскаго монашества и посвящены послѣднія три главы настоящей книги. Въ частности, *восьмая* глава (стр. 186—195) рассказываетъ о борьбѣ палестинскихъ иноковъ съ несторіанствомъ, которую велъ Евѣимій Великій и отчасти Савва Освященный. Но борьба эта производилась въ ограниченныхъ размѣрахъ. Гораздо значительнѣе было участіе палестинскихъ монаховъ въ борьбѣ съ монофизитами, о чемъ весьма обстоятельно сообщается въ *девятой* главѣ (стр. 196—290). Монофизитская ересь встрѣтила противодѣйствіе главнымъ образомъ со стороны Евѣимія Великаго, Саввы Освященнаго и Θεодосія Киновіарха, во главѣ съ которыми иноки защищали православіе не только въ Палестинѣ, но и внѣ ея предѣловъ. Но на ряду съ правильнымъ пониманіемъ вопроса о соединеніи двухъ естествъ во второмъ лицѣ Пресвятой Троицы, среди палестинскаго монашества были многочисленные случаи уклоненія отъ вселенской истины. Несомнѣнный фактъ, что монашество вообще и палестинское въ частности доставило самый значительный контингентъ для монофизитской партіи. Причину послѣдняго явленія нашъ авторъ видитъ въ излишней ревности монаховъ по вѣрѣ и подтверждаетъ свой взглядъ историческими данными. Изложивъ постепенный ходъ монашескаго движенія въ пользу монофизитства и въ противовѣсъ ему, авторъ между прочимъ анализируетъ каноны IV-го вселенскаго собора, которыми опредѣлялось правовое положеніе монашества въ Византіи (стр. 220—225). Наконецъ, въ послѣдней — *десятой* главѣ книги Олтаржевскаго (стр. 290—323) раскрывается борьба палестинскихъ монаховъ съ оригенистами. Въ ней принимали участіе тѣ же великіе аскеты Св. Земли; они боролись съ сторонниками ученія Оригена какъ изъ свѣтскаго общества, такъ и изъ монашеской среды, въ частности палестинской.

Такимъ образомъ, книга іеромонаха Θεодосія довольно интересна по содержанію. Авторъ отчетливо представилъ въ ней постепенный ростъ палестинской монашеской общины, начиная съ элементарной формы под-

вижничества—анахоретства и кончая высшей стадіей его развитія—киновіей. Онъ правильно опредѣляетъ функціи административной власти палестинскаго монашества и обстоятельно раскрываетъ внутреннюю жизнь монастырей. Любопытна и та часть книги, гдѣ весьма подробно авторъ выясняетъ степень и характеръ участія палестинскихъ иноковъ въ современныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Здѣсь авторъ тщательно собралъ почти все, что заключала въ себѣ доступная ему литература предмета. Да и вообще авторъ хорошо проанализировалъ источники и пособія своего вопроса и извлеченныя изъ нихъ данныя изложилъ большею частію хорошимъ литературнымъ языкомъ. Словомъ, разсматривая трудъ о. іеромонаха Θεодосія съ точки зрѣнія намѣченной имъ задачи, нельзя не признать его удовлетворительнымъ. Но при этомъ естественно является мысль, что авторъ взялъ на себя, въ сущности, весьма простую задачу и выполнилъ ее довольно легкимъ способомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще того, какъ подробно излагать житія палестинскихъ подвижниковъ, большею частью существующія въ русскомъ переводѣ, дѣлать изъ нихъ выборку подходящихъ мѣстъ по стереотипнымъ рубрикамъ—«администрація» и «внутренній бытъ» и извлекать изъ многочисленныхъ сочиненій по исторіи христіанскихъ ересей всѣ тѣ сообщенія, которыя касаются палестинскихъ монаховъ?.. Правда, все это можетъ быть исполнено хорошо, но въ научномъ отношеніи такая работа невысока. Дѣло въ томъ, что здѣсь изслѣдуется только поверхность предмета, разсматривается лишь *внѣшняя* сторона жизни палестинскаго монашества. Что же касается его *внутренней* стороны, существенныхъ и основныхъ вопросовъ о палестинскомъ монашествѣ, то они оставлены безъ вниманія. Такъ, о. Θεодосій Олтаржевскій ничего не говоритъ о содержаніи, развитіи и характерѣ аскетическаго идеала палестинскаго монашества, объ особенностяхъ его нравственно-аскетическаго міровоззрѣнія, о монастырскомъ богослуженіи и пр. Весьма недостаточно и то, что высказывается нашимъ авторомъ о палестинскомъ уставѣ. Вопросъ о монашескихъ уставахъ Востока, ихъ образованіи и характерѣ настолько серьезенъ и въ то же время малоразработанъ, что глава о немъ въ книгѣ о. Олтаржевскаго никого не можетъ удовлетворить, по своей краткости и бездоказательности. Нельзя не пожалѣть, что іеромонахъ Θεодосій оставилъ безъ изслѣдованія указанные нами вопросы и тѣмъ не устранилъ научной необходимости опять и опять работать по вопросу о судьбахъ палестинскаго монашества. Рѣшеніе означенныхъ вопросовъ много содѣйствовало бы пониманію и усвоенію аскетическихъ идеаловъ всего греко-восточнаго монашества и облегчило бы проникновеніе въ духъ и особенности его религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Имѣются и другіе недостатки въ разсматриваемой книгѣ. Такъ, въ ней нѣтъ критическаго обзора новѣйшей литературы по исторіи палестинскаго монашества, а въ числѣ пособій не находится весьма полезное въ научномъ отношеніи «Житіе и подвижаніе иже во святыхъ

отца нашего Порфирія, епископа Газскаго», изданное проф. И. В. Помяловскимъ.

Н. В. Покровский, *Чинъ коронованія Государей въ его исторіи* (Церковный Вѣстникъ, 1896, № 17, стр. 539—544, № 18, стр. 571—576, № 19, стр. 602—608). — Высокая важность коронованія государей, какъ особаго религіознаго акта, признана была уже въ глубокой христіанской древности, поэтому въ церкви очень рано явился самостоятельный чинъ коронованія. Особый актъ царскаго посвященія существовалъ и у многихъ культурныхъ народовъ до-христіанскаго міра, выражаясь въ жертвоприношеніяхъ, омовеніи, возложеніи царскихъ одеждъ и короны и пр.; наибольшаго развитія этотъ актъ достигъ у народа еврейскаго, но христіанскій чинъ коронованія стоитъ выше его въ отношеніи полноты и качества сообщаемыхъ имъ даровъ. Онъ сложился въ Византіи въ теченіе многихъ вѣковъ. Первые положительныя извѣстія о византійскомъ чинѣ коронованія сообщаются императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ въ сочиненіи «О церемоніяхъ византійскаго двора», гдѣ описаны обряды коронованія императоровъ Льва Великаго (457 г.), Льва Малаго (474 г.), Анастасія Диррахита (491 г.), Иустина I (518 г.), Юстиніана (527 г.) и Никифора Фоки (963 г.). Первоначально въ чинѣ коронованія преобладалъ свѣтскій элементъ. Коронованіе Льва происходило на Марсовомъ полѣ (ἐν τῷ ἁγίῳ). Церемонія состояла въ поднятіи знаменъ, въ возложеніи на голову императора цѣпей, въ облаченіи въ царскія одежды и пр. Дѣйствовали здѣсь лишь свѣтскія лица, константинопольскій патріархъ былъ только зрителемъ. При коронованіи императора Анастасія, происходившемъ на ипподромѣ и заключавшемся въ поднятіи императора на щитѣ, въ церемоніи участвовалъ и патріархъ Еввѣмій, который сотворилъ молитву и возложилъ на императора царскую хламиду и корону, при чемъ потребовалъ, чтобы Анастасій торжественно произнесъ символъ вѣры, въ виду подозрѣнія его въ сочувствіи манихейству (Евагрій). Это былъ первый случай введенія религіознаго элемента въ коронованіе. Послѣ этого свѣтскій элементъ уступаетъ первенство религіозному: съ ипподрома дѣйствіе переносится въ храмъ, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является патріархъ. Къ X-му столѣтію коронованіе, въ смыслѣ церковнаго обряда, представляло собою уже нѣчто цѣлое, какъ это видно изъ его описанія у Константина Порфиророднаго и изъ чина, изданнаго Гоаромъ; не было только мѣропомазанія. Но изъ исторіи Кантакузина (I, 41, р. 196) и сочиненія Кодина (De offic., с. XVII) видно, что въ XIV вѣкѣ чинъ коронованія сопровождался и мѣропомазаніемъ и состоялъ изъ двухъ церемоній—гражданской и церковной. Гражданская церемонія происходила въ триклинии и состояла въ поднятіи государя на щитѣ и торжественномъ провозглашеніи его императоромъ, а церковная совершалась въ храмѣ св. Софіи и носила сложный характеръ. Императоръ облачался въ царскія одежды, входилъ въ храмъ, передавалъ патріарху собственноручно написанное исповѣданіе вѣры, возсѣдалъ на

тронѣ, принималъ отъ патріарха муропомазаніе, совершалъ вмѣстѣ съ духовенствомъ великій входъ, кадилъ въ алтарѣ и пріобщался подобно священнослужителямъ, затѣмъ принималъ поздравленія. Во время поздравленія къ императору подходилъ кто-либо изъ народа и показывалъ ему въ одной рукѣ сосудъ, наполненный человѣческими костями, а въ другой—клочекъ льна, который тотчасъ и сжигался; кромѣ того, императору предлагались куски мрамора. Обряды эти напоминали ему о бренности человѣческой жизни. Таковы главнѣйшія черты коронованія и муропомазанія государей въ Византіи. Изъ Византіи этотъ чинъ перенесенъ и въ Россію. Въ періодъ удѣльный русское коронованіе было тождественно съ простымъ поставленіемъ князей на княженіе и лишь въ періодъ московскаго самодержавія въ Россіи явилось полное византійское коронованіе. Первымъ русскимъ государемъ, короновавшимся по образцу императоровъ византійскихъ, былъ Іоаннъ Грозный, который получилъ отъ константинопольскаго патріарха и книгу съ полнымъ чиномъ царскаго коронованія. Эта книга послужила образцомъ для коронованія русскихъ государей, какъ преемниковъ византійскихъ императоровъ и главныхъ защитниковъ православія. Во время исправленія церковныхъ книгъ чинъ коронованія и муропомазанія окончательно приблизился къ византійскому. Съ того времени измѣнялись лишь детали коронованія. Первымъ царемъ, короновавшимся съ муропомазаніемъ, былъ Θεодоръ Іоанновичъ. Петръ Великій первый короновалъ свою супругу. Императрицы Анна Іоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина II пріобщались въ алтарѣ по образу священнослужителей.

Н. Θ. Красносельцевъ, *Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургій св. Іоанна Златоуста. Выпускъ 2-й. Уставы: патріарха константинопольскаго Филоея и протонотарія великой церкви Димитрія Гемиста по рукописямъ XIV вѣка* (Православный Собесѣдникъ, 1896, январь, приложение 1, стр. 1—8). — Профессоръ Красносельцевъ нашелъ въ библіотекѣ Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря первоначальный, по его мнѣнію, текстъ устава литургій св. Іоанна Златоуста, составленнаго константинопольскимъ патріархомъ XIV вѣка Филоеемъ. Для исторіи нашего литургійнаго устава онъ долженъ имѣть первостепенную важность, такъ какъ нынѣ дѣйствующій уставъ литургій есть именно уставъ Филоея, только разнообразнымъ способомъ измѣненный и дополненный. Вновь открытый списокъ и дастъ возможность опредѣлить количество и качество дополненій и перемѣнъ, прівносенныхъ въ разное время и по требованію различныхъ обстоятельствъ въ подлинный уставъ патріарха Филоея, что весьма важно въ научномъ отношеніи. Списокъ составленъ, какъ видно изъ заглавія, однимъ клирикомъ праклійской митрополіи въ то время, когда Филоеемъ былъ праклійскимъ митрополитомъ (1347—1354). Самый же уставъ былъ составленъ Филоеемъ во время его игуменства въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ, т. е. ранѣе 1347 года; значитъ, уставъ Филоея имѣетъ аѳонское происхожденіе. Рукопись, по которой проф.

Красносельцевъ издаетъ списокъ устава Филовея, относится къ XIV в., писана на бомбицинѣ (№ 49) и содержитъ разныя церковныя творенія. Въ отмѣченной книжкѣ журнала помѣщена въ греческомъ оригиналѣ лишь небольшая часть интереснаго памятника.

А. Радонежскій, *Церковь священномученика Климента въ Римѣ—мѣсто погребенія святаго равноапостольнаго Кирилла* (Церковныя Вѣдомости, 1896, № 7, прибавленія, стр. 241—256).—Кратко сказавши о дѣятельности св. Климента, епископа Римскаго, и о перенесеніи свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ его мощей изъ Херсонеса въ Римъ, авторъ описываетъ современныя архитектурныя и иконографическія особенности церкви св. Климента въ Римѣ, гдѣ былъ погребенъ и св. Кириллъ.

Пантократорскій константинопольскій монастырь XII вѣка и его Типикъ, данный императоромъ Іоанномъ Комниномъ (Тамъ же, № 12—13, стр. 475—482).—Статья составлена на основаніи очерка исторіи Пантократорскаго монастыря, написаннаго А. А. Дмитріевскимъ (Труды Кіевской духовной Академіи, 1895, № 8).

Неизданныя главы исторіи іерусалимскихъ патріарховъ патріарха Досифея Нотары (Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества, 1896, февраль, стр. 23—42).—Статья представляетъ переводъ изъ труда А. И. Пападопуло-Керамевса «*Ἀνάληκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*», т. I, с. 231—247. Здѣсь сообщается о похищеніи венеціанами изъ Мисери (въ Египтѣ) мощей св. Марка, о возобновленіи купола храма св. Гроба при патріархѣ Ѳомѣ († послѣ 820 г.), о разрушеніи этого храма агарянами въ разное время и возобновленіи его православными, о ключахъ св. Гроба, посланныхъ іерусалимскимъ патріархомъ Іоанномъ Карлу Великому и о патріархахъ іерусалимскихъ съ начала VII вѣка.

Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей (тамъ же, стр. 52—86).—Статья составлена на основаніи разсмотрѣнной выше книги профессора Каптерева.

Г. Муркозъ, *Хожденіе въ Іерусалимъ антиохійскаго патріарха Макарія въ 1642 году* (Сообщенія И. Прав. Палестин. Общества, 1896, февраль, стр. 91—94).—Предложенъ въ русскомъ переводѣ разсказъ о паломничествѣ въ Іерусалимъ патріарха Макарія, взятый изъ арабской рукописи путешествія этого патріарха въ Россію, находящейся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Хожденіе по святымъ мѣстамъ августинскаго монаха Іакова Веронскаго въ 1335 году (тамъ же, стр. 94—115).—Описаніе св. мѣстъ Іакова Веронскаго лишь недавно появилось въ полномъ видѣ—въ изданіи Р. Рѣрихта (*Revue de l'Orient Latin*, 1895, № 2), будучи дотолѣ извѣстно только въ двухъ рукописяхъ и въ печатномъ извлеченіи изъ нихъ. Между тѣмъ описаніе это представляетъ выдающееся явленіе среди паломнической средневѣковой литературы. Іаковъ Веронскій посѣтилъ многія святыни Палестины, Синая и Египта и сообщаетъ о нихъ любо-

пытныя свѣдѣнія. Разсматриваемая статья и представляетъ извлеченіе изъ его труда, изданнаго Рёрихтомъ.

Армянское описаніе святыхъ мѣстъ VII-го вѣка (тамъ же, стр. 120—123). — Рѣчь идетъ объ армянскомъ описаніи св. мѣстъ, помѣщенномъ въ видѣ приложенія въ изданной В. Г. Васильевскимъ «Повѣсти Епифанія о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстъ» (Прав. Пал. Сборн., в. 11), — по поводу англійскаго перевода этого описанія и нѣкоторыхъ о немъ соображеній, сдѣланныхъ Е. В. Бруксомъ (English historical review, 1896, january). Бруксъ находитъ, что означенное описаніе принадлежитъ отшельнику Іосифу, который совершилъ свое паломничество въ Палестину между 659 и 663 годами и вѣроятно же всего — въ 660 году. Значитъ, описаніе Іосифа является первымъ послѣ разоренія іерусалимскихъ святынь персами въ 614 году и составлено, вѣроятно, на двадцать лѣтъ раньше описанія Аркульфа.

П. Цвѣтковъ, 1) Пѣснь на входъ Господа въ Іерусалимъ. Св. Романа Сладкопѣвца (Радость Христіанина, 1896, кн. IV, стр. 248—254). — Переводъ съ греческаго подлинника, помѣщеннаго въ изданіи Питры — *Analecta sacra* t. I, p. 61 sq.). 2) *Пѣснь объ утврѣніи апостола Ѳомы Воскресшимъ Господомъ. Св. Романа Сладкопѣвца* (тамъ же, кн. V, стр. 18—25). Переводъ изъ того же изданія Питры (p. 140 sq.) съ небольшимъ предисловіемъ. 3) *Пѣснь св. Романа Сладкопѣвца на Вознесеніе Господне* (тамъ же, кн. VI, стр. 121—130). Переводъ съ краткимъ предисловіемъ съ греческаго текста въ *Analecta sacra* Питры (t. I, p. 148 sq.).

А. Голубцовъ, Древне-христіанская символика воскресенія (Радость Христіанина, 1896, кн. V, стр. 25—36). — Указывается происхожденіе и значеніе сюжетовъ древне-христіанскаго искусства, выражавшихъ вѣрованіе церкви въ воскресеніе тѣлъ по смерти. Таковыми служили изображенія павлина, феникса, пророковъ Іоны, Даниїла, трехъ отроковъ, Лазаря и др.

Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василія Истрина за вторую половину 1894 года. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, апрѣль, отд. 2, стр. 47—78). — Сообщая результаты своихъ занятій въ области византійско-славянской литературы, г. Истринъ описываетъ въ отчетѣ слѣдующіе ея памятники: 1) сборникъ сербскаго письма XII—XIII вѣка въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, № 24; 2) Толковую Палею въ библіотекѣ того же монастыря, № 516; 3) болгарскій списокъ стослова константинопольскаго патріарха Геннадія отъ XVI вѣка въ Хиландарскомъ сборникѣ № 33; 4) большой сборникъ въ Хиландарѣ отъ XV вѣка, № 118, съ апокрифическимъ видѣніемъ пророка Исаіи; 5) Хиландарскій сборникъ безъ нумера, XVIII вѣка, съ вопросо-отвѣтами и аналогичные съ нимъ сборники: а) аѳонскаго Иверскаго монастыря, № 215, XVI вѣка, б) аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря отъ XIV вѣка, № 153, в) аѳонскаго монастыря Филовея № 107, отъ XVI вѣка; 6) *Διήγησις καὶ ἀποκάλυψις τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου* въ Зографскомъ монастырѣ № 360—34

по каталогу Ламброса; 7) болгарскій сборникъ житій и поученій въ Зографскомъ монастырѣ, отъ конца XV вѣка, и аналогическій сборникъ въ Хиландарѣ № 333; 8) греческій сборникъ въ Зографской библіотекѣ отъ XIX вѣка (№ 335—9 по каталогу Ламброса) съ статьею подъ заглавіемъ: *Περὶ τῆς τοῦ Πλάτου ἀποφάσεως κατὰ τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ εὐρεθείσης κατὰ τοὺς χρόνους ἐν αὐτῇ γεγραμμένη*. — Отчетъ не оконченъ.

Г. Мурносъ, *Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (Русское Обозрѣніе, 1896, февраль, стр. 706—753, мартъ, стр. 299—344).

Антиохійскій патріархъ Макарій дважды пріѣзжалъ въ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ первый разъ для сбора пожертвованій, а во второй—для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый разъ вмѣстѣ съ нимъ былъ его сынъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который и составилъ подробное и чрезвычайно любопытное описаніе трехлѣтняго путешествія своего отца. Сочиненіе Павла до послѣдняго времени было извѣстно лишь въ арабскихъ рукописяхъ (Виз. Врем., т. II, в. 4, стр. 685—686), и профессору Муркосу принадлежитъ первый опытъ изданія его въ русскомъ переводѣ. Сочиненіе весьма полезно въ научномъ отношеніи, такъ какъ авторъ касается въ немъ всего, что видѣлъ и слышалъ во время своего продолжительнаго путешествія. Онъ описываетъ страну, нравы и обычаи жителей, селенія и города, замѣчательныя зданія, особенно церкви и монастыри, торжественныя церковныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и даетъ яркую характеристику государей, политическихъ и церковныхъ дѣятелей. Восьмимѣсячное пребываніе нашего писателя въ Молдавіи совпало съ паденіемъ господаря Василя Лупула, сопровождавшимся междоусобною войною,—и этотъ интереснѣйшій эпизодъ въ исторіи страны нашелъ въ Павлѣ Алеппскомъ живого рассказчика. Въ Россію восточные путники прибыли въ самую цвѣтущую пору царствованія Алексѣя Михайловича, когда онъ велъ счастливую войну съ Польшей и когда патріархъ Никонъ приступилъ къ устроенію церковныхъ дѣлъ. Большая часть сочиненія Павла Алеппскаго и занята рассказомъ о событіяхъ, происходившихъ тогда въ Россіи. По полнотѣ и разнообразію содержанія это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи въ половинѣ XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки современныхъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Въ сочиненіи, послѣ краткаго введенія, описывается путь отъ Алеппо до Молдавіи, совершенный чрезъ Бруссу и Константинополь, причемъ писатель съ особою обстоятельностью сообщаетъ о многихъ достопримѣчательностяхъ бывшей столицы Византіи (книга пер-

вая). Во второй книгѣ разсказывается о пребываніи въ Молдавіи, гдѣ Павелъ успѣлъ ознакомиться съ нравами и обычаями жителей, жизнью при дворѣ и церковными событіями, гдѣ посѣтилъ многіе храмы и монастыри.—Продолженіе статьи будетъ.

П. Георгіевскій, *Св. Василій Великій какъ пастырь и учитель церкви (Преимущественно по его письмамъ)*. [Продолженіе. Странникъ, 1896, февраль, стр. 185—204]. Описывая пастырскую дѣятельность Василя Великаго, авторъ говоритъ о борьбѣ св. отца съ аріанствомъ и изображаетъ его попеченія о внутреннемъ благоустройствѣ кесарійской паствы, въ частности—въ отношеніи къ клиру, монашеству и мірянамъ.

М. Соколовъ, *Вѣнчаніе и помазаніе царей на царство въ древнегреческой церкви* (Руководство для сельскихъ пастырей, 1896, № 19 стр. 37—42).—Популярное изложеніе чина вѣнчанія и помазанія царей на царство въ Византіи, главнымъ образомъ — на основанія творенія архіепископа солунскаго Симеона (конца XIV и начала XV вѣка—«De sacro templo, ejusque consecratione».

Юліанъ Кулаковскій, *Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма. III. Гурзуфъ или Карасанъ (Харасанъ) упомянутъ въ житіи Іоанна Готскаго* (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, № 1, стр. 5—6)? Въ восьмой главѣ житія Іоанна Готскаго сообщается о чудѣ, которое было совершено этимъ святымъ надъ ученикомъ его Василіемъ, при чемъ текстъ гласитъ такъ: 'Εν Κουρασάιτοις τῷ ἐμπορίῳ ἀναπαύομενος εἰς ἐκκλησίαν ἣν ὁ ὁσιος, ἐν ἣ ἔνδον ὑπῆρχεν μνήματα πλείστα. Ὁ δὲ ταῖς νυξὶν ἀναστάμενος καὶ εὐχόμενος τοῦτοις ὡς περ ζῶσιν διελέγετο. Ученый изслѣдователь житія проф. В. Г. Васильевскій (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1878, ч. СХСV) призналъ въ Курасаитахъ Гурзуфъ, основываясь на извѣстіи Прокопія о сооруженіяхъ Юстиніана въ Крыму (De aed. III) и данныхъ въ «Крымскомъ Сборникѣ» Кеппена. Г. Кулаковскій находитъ, что гораздо ближе къ имени Κουρασάιτοι названіе мѣста, которое звучитъ Карасанъ или Харасанъ. Это—урочище, лежащее на берегу моря между Партенитомъ, родиной св. Іоанна Готскаго и Ламбатомъ; приморскимъ положеніемъ этого мѣста оправдывается и его названіе 'Εμπορίον—торжище. Несправедливо, по мнѣнію г. Кулаковскаго, и отождествленіе торговища Курасаитовъ съ Карасубазаромъ при потокѣ Карасу, сдѣланное г. Мурзакевичемъ (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIII), такъ какъ эти названія — татарскаго происхожденія, а татары появились въ Крыму позднѣе VIII вѣка, когда жилъ Іоаннъ Готскій; притомъ Карасубазаръ находится внѣ предѣловъ древней готской епархіи, гдѣ находился святой. Затѣмъ, мѣстомъ ночлега св. Іоанна Готскаго нужно, по словамъ нашего автора, считать не «одну изъ пещерныхъ церквей Крыма», которыхъ не найдено ни въ Гурзуфѣ, ни въ Карсанѣ, а церковь какъ надземное сооруженіе.

Андрей Петровъ, *Къ вопросу о проповѣднически-просвѣтительной дѣятельности св. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія у хозаръ (по но-*

вымъ даннымъ) [Странникъ, 1896, май, стр. 145—153]. — На основаніи анализа отрывковъ изъ письма Анастасія бібліотекаря къ велитрійскому епископу Гаудериху, изданнаго мюнхенскимъ профессоромъ Фридрихомъ въ 1892 году, и изъ житія св. Мееодія авторъ доказываетъ, что пребываніе и дѣятельность св. Кирилла Философа въ Крыму имѣли значеніе самостоятельной миссіи, которая должна занять и самостоятельное мѣсто въ біографіи первоучителя, въ ряду остальныхъ его миссій — сарацынской, хазарской и славянской.

Н. Поповъ, *Чинъ священнаго коронованія. Историческій очеркъ образованія чина* (Богословскій Вѣстникъ, 1896, апрѣль, стр. 59—72, май). — Статья состоитъ изъ двухъ главъ, въ первой изъ которыхъ излагается исторія коронаціоннаго чина въ Византіи, а во второй — его судьба въ Россіи. Работа г. Попова — научнаго характера.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

А. Спасскій, Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткимъ очеркомъ его жизни. Изслѣдованіе. Сергіевъ Посадъ. 1895. Рецензія г. **Н. Г.** въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1896, № 14, стр. 456—457.

Ө. Успенскій, Очерки по исторіи византійской образованности. С.-Петербургъ. 1892. Рецензія г. **М. Соловьева** въ Русскомъ Обозрѣніи, 1895, январь, стр. 467—477.

А. Лебедевъ, Очерки исторіи Византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка. Москва, 1892. Рецензія г. **Соловьева** тамъ же.

Joseph Wilpert, *Fractio panis. Die älteste Darstellung des eucharistischen Opfers in der «Capella Greca» entdeckt und erläutert. Mit 17 Tafeln und 20 Abbildungen im Text.* Freiburg im Breisgau. 1895. Рецензія **И. В. Помяловскаго** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, мартъ, стр. 153—170.

Труды девятаго археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. 1893. Рецензія г. **А. Прѣснякова** въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1895, февраль, стр. 446—450.

Иванъ Андреевъ, Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). Выпускъ первый. Хронологія константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности свв. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1895. Рецензія **И. Византійскаго** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, мартъ, стр. 1007—1009.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ второй. Славяно-русскій прологъ. Часть первая: сентябрь-декабрь. Изданіе журнала «Странникъ» подъ редакціей проф. **А. И. Пономарева**. Спб. 1896. Рецензія **Александра Бронзова** тамъ же, стр. 1001—1003.

А. А. Дмитріевскій, Богослуженіе страстной и пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X в. Казань. 1894. Рецензія проф. П. Лашкарева въ Трудахъ кievской духовной Академіи, 1896, мартъ, приложение, IX, стр. 73—78.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kunstgeschichte, 4 Heft. 1895. Рецензія г. Е. Рѣдина въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1896, № 1, стр. 22—23.

Byzantinische Zeitschrift. IV Band, III—IV Heft. Leipzig. 1895. Рецензія г. Е. Рѣдина тамъ же, стр. 23—24.

• Лугъ Духовный. Твореніе блаженнаго Іоанна Мосха. Переводъ съ греческаго съ подробными объяснительными примѣчаніями священника М. Хитрова. Изданіе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. 1896. Рецензія г. К. въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1896, № 7, прибавленія, стр. 397—398; библиографическая замѣтка въ Русскомъ Обозрѣніи, 1896, май, стр. 431—432.

Чтеніе по Патрологіи. Выпускъ первый: введеніе въ Патрологію и вѣкъ мужей апостольскихъ. Посмертное изданіе «чтеній» Дмитрія Гусева, экстраординарнаго профессора Казанской духовной академіи. Казань. 1896. Рецензія г. Л. П-ва тамъ же, № 16, стр. 599—600.

A. Lapôtre, L'Europe et le Saint-Siège à l'époque carolingienne. Première partie. Le pape Jean VIII (872—882). 1895. Рецензія г. Н. Я. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, май, стр. 163—195, въ статьѣ: «Новое сочиненіе по Кирилло-Мееодіевскому вопросу».

Іеромонахъ Θεодосій Олтаржевскій, Палестинское монашество съ IV до VI вѣка. Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 44. Изданіе Императорскаго Палестинскаго Общества. Спб. 1896. Рецензія И. С. въ Странникѣ, 1896, апрѣль, стр. 714—721.

Θеодорита, епископа Киррскаго, отвѣты на вопросы, обращенные къ нему нѣкоторыми египетскими епископами. По рукописи десятаго столѣтія издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. Спб. 1895. Рецензія г. Г. въ Христіанскомъ Чтеніи, 1896, мартъ—апрѣль, стр. 544.

Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока. Томъ I. Типикъ. Часть I. Памятники патріаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типиконы. Доцента Кіевской духовной Академіи Ал. Дмитріевскаго. Кіевъ. 1895. Рецензія С. І. Н. въ Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ, 1896, мартъ (выпускъ 3), стр. 54—57.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift» herausgeg. von K. Krumbacher. Band. V, Heft 2.

Въ отдѣлѣ I-мъ («Исслѣдованія») помѣщены слѣдующія статьи:

Karl Schenk, *Kaiser Leons III Walten im Innern* (стр. 257—301).

Статья непосредственно примыкаетъ къ диссертациі автора: Kaiser